

УДК 902

DOI: 10.15393/j14.art.2016.83

Ермолаева Оксана Евгеньевна

Петрозаводский государственный университет,
 Институт истории, политических и социальных наук,
 старший преподаватель кафедры отечественной истории;
 старший научный сотрудник Управления научных исследований
 (ГБТ 653-14), PhD (история Восточной и Центральной Европы)

**Традиционное общество полиэтничного приграничья
 в исторической динамике: методологические поиски
 и проблемы на примере одного проекта¹**

Абстракт. В статье рассматривается история возникновения и представлены примеры критики в историографии концепции «традиционного общества». Данная концепция была применена в посвященном изучению взаимодействия сельских сообществ приграничного региона Российской империи и имперской государственной власти коллективном проекте «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века». В статье рассматриваются современные методологические подходы к изучению имперского приграничья на основе нескольких сюжетов, специально проработанных в ходе данного проекта. Автор приводит основные выводы и показывает достижения проекта на фоне аналогичных исследований европейских приграничных зон XVIII—XIX веков, а также размышляет над перспективами их дальнейшего изучения в свете современной историографии и новейшей методологии.

Ключевые слова: концепция «традиционного общества»; коллективный проект; методология; имперское приграничье; колонизация; Карелия.

Модель традиционного общества: истоки и критика

В своём классическом виде модель «традиционного общества» является продуктом эволюционной антропологии XIX в. в контексте имперских колониальных исследований. Она была одной из основных инноваций социальной теории этого времени, очертившей уникальную траекторию западной модерности [17: 26]. Одним из архитекторов этой модели стал Генри Мэн (Henry Man), сформулировавший противопоставление коммунальной и корпоративной природы древнего/примитивного общества и индивидуалистического «модерного» общества, что воплотило характерное для социальной теории XIX в. бинарное конструирование «традиционных» и современных обществ [17: 27].

В социальной теории XIX в. модельaborигенного общества как фундаментально-apolитичной, интегральной целостности, связанной взаимными узами обычая и структурами родства, распространялась на античный мир, примитивные [доисторические], феодально-средневековые

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

и восточные социальные формы. Они объединялись вместе как *традиционные* общества, определяемые через противопоставление уникальной траектории индустриализировавшихся обществ Запада [17: 52].

В некоторых интерпретациях эта модель функционировала как идеал-типический контраст между двумя типами социальности, в то время как в других включалась в более глобальный нарратив перехода от одной исторической формы общества к другой, отражаясь в *стадиальной* модели человеческого прогресса, выработанной еще мыслителями XVIII в. [17: 29].

Согласно этой модели, правила родства определяли социальные отношения и, соответственно, социальный порядок. Именно родство наделяло социальные отношения системностью. Как модель традиционного общества, деревенская община воплощала коммунальную социальную форму, которая считалась самодостаточной и фундаментально аполитичной. Она выражала способность к «самостоятельному действию», «самоуправлению» и «самоорганизации». Способность деревенской общины поддерживать собственную устойчивость позволяла ей в общих целях упорядочивать работу различных социальных, политических, юридических и экономических сфер. Соответственно, коллапс традиционного общества наступает в результате нарушения присущего ему тонкого социального и культурного равновесия, что низвергает систему в состояние дезинтеграции. [17: 67].

До сих пор в большинстве случаев представления о традиционном обществе базируются на его понимании как асимметричной современному обществу социокультурной модели.

В современной социально-культурной антропологии эта концепция подвергается критике, главным образом из-за того, что не отражает реальной истории доиндустриальной стадии развития человечества, а характеризует лишь её последний этап.

С 1990-х гг. эта антропологическая категория активно применялась для критики социокультурной матрицы российского общества, как в либеральном, так и в консервативном политическом, социологическом и историческом дискурсах. И либералы, и консерваторы, обращаясь к анализу русского крестьянства с помощью этой модели в контексте линейной парадигмы догоняющей модернизации, пытались объяснить неудачи постсоциалистической трансформации России в 1990-х гг.

В частности, российский культуролог Александр Ахиезер, используя концепцию традиционного общества в контексте методологии социокультурного подхода, рассматривал аграрный традиционализм локального крестьянского мира как источник и общественную базу, создавшую советский тоталитаризм [5]. Социолог Константин Костюк также объясняет неудачи очередной попытки «догоняющей» модернизации в нашей стране давлением архаического пласта менталитета на социальные процессы [5].

Что показательно, консерваторы в своих теориях повторяли основные выводы либералов. Это относится, в частности, к философу Александру Дугину с его концепциями «археомодерна» (форма распада «традиционного» общества и высвобождения архаики) и «деформированных», «гибридных обществ», в нём проживающих.

В последнее время слышатся призывы к постмодернистской деконструкции модели «традиционного общества» и понятия этничности, как способствующих формированию «националистических» веяний и настроений. Тем не менее эта концепция продолжает в то же время и активно употребляться, в т. ч. и в современных западных исследованиях, выполненных в русле новейшей методологии. В частности, канадский исследователь украинского происхождения Андрий Заярнюк (Andriy Zayarnyuk) создал постструктураллистскую «антропологию традиционного крестьянского общества» [33].

Несмотря на проблематичность и неоднозначность данной модели, она была применена в коллективном проекте «Традиционное общество как фактор стабильности в полиэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века». [24] Данная модель была использована для изучения динамики взаимодействия представителей центральной власти в ходе государственной колонизации приграничного полиэтничного региона и местного сельского населения, позиционируемого как «традиционное общество», к которому вплоть до начала XX в. принадлежала подавляющая часть населения Карелии. В это понятие включались крестьянство однородных и смешанных этнических категорий, религиозные общины ортодоксального толка, а также старообрядчество.

Методология исследования

В рамках вышеупомянутого коллективного проекта рассматривались и анализировались различные современные методологические подходы, используемые в англо-американской историографии для изучения сельского населения имперских окраин в XVIII — начале XX в.

В последние годы в социальной истории Европейского имперского приграничья растущую популярность приобретает его концептуализация как «столкновения цивилизаций» и «зоны потрясений» («Shatterzone») [32: 334]. Первыми эту концепцию стали использовать англоязычные исследователи, позднее она была широко адаптирована из межвоенной немецкой литературы. Один из аналогов этого понятия термин «crushzone», введённый британским географом Джеймсом Фэргривом (James Fairgrieve) в 1915 г. для обозначения «кордона» из маленьких государств между Российской и Германской империями. Недавно этот подход был взят на вооружение американским историком Питером Холквистом (Peter Holquist) и другими исследователями [32: 334].

В рамках этого подхода фокус исследования перемещается на деструктивные процессы в локальных социумах имперского приграничья. Изучаются темы насилия в различных его проявлениях, демонтажа традиционных институтов и культурных практик [8].

В частности, при помощи «геокультурного подхода» современный американский историк Альфред Рибер (Alfred J. Rieber) попытался исследовать деструктивные процессы в приграничных регионах основных «Евразийских» империй, с его точки зрения имевших место со Средних веков. Он исследовал механизмы взаимодействия между окраинами и центрами империй, формирование и трансформации локальных элит в ходе государственной колонизации, в т. ч. и Российской империи [30].

Другой актуальный подход, исследованный в рамках коллективного проекта — социальные, политические, и культурные аспекты методологии постструктурализма; в частности, изучение формирования и трансформации коллективных идентичностей сельского приграничного населения Европейских империй XVIII — начала XIX в. Ряд западных историков утверждает, что процесс формирования коллективной идентичности не может быть объяснён исключительно с точки зрения социальных систем и структур и лучше поддаётся концептуализации в контексте более широкого «культурного поля» [33: XV]. Еще британский историк Джейф Элей (Geoff Eley) и американский исследователь Рональд Суни (Ronald Suny) во главу угла поставили общий переход от «социальных» к «культурным» и «дискурсивным» интерпретациям в изучении истории «национальностей» и «национальных движений» [33: XV].

В рамках этого направления апробируются разнообразные методологические схемы. Американский исследователь Гэри Коэн (Gary B. Cohen) на примере изучения сельского приграничья Габсбургской империи в XIX в. рассматривает лояльность населения государству и коллективные идентичности как ежедневные практики, а для их изучения заимствует ме-

тодологические разработки французских философов Мишеля Фуко (Michel Foucault) (дискурсивные проявления и выражения политической лояльности) и Пьера Бурдье (Pierre Bourdieu). Коэном заимствована его концепция «хабитуса» как «системы длительных, transposable dispositions или структурных ориентаций, которые формируют социальную жизнь и воспроизводят различные алгоритмы в повседневной деятельности» [32: 106]. Помимо этого, автор утверждает о необходимости заимствования методов и перспектив из немецкой школы истории повседневности (Alltagsgeschichte).

Продолжая свои предыдущие изыскания, канадский исследователь Пол Магоши (Paul Robert Magocsi) доработал концептуальную модель для анализа национальных движений среди «безгосударственных» людей, которая противопоставляет идею иерархии множества идентичностей с рамкой взаимоисключающих идентичностей. На примере изучения населения Карпатской Руси как имперского приграничья автор вводит понятие еще одной границы — «этно-климатической», так называемой «the tomato and grapeline». Более тёплый климат и *café culture* способствовали терпимости среди русинов и других народностей, проживавших на юге, — там, где заканчивалась климатическая зона выращивания винограда (и соответственно, виноделия). На севере население проводило меньше времени за пределами дома, и в случаях социальной коммуникации на обстановку влияло использование «тяжёлого» алкоголя, который в избыточных количествах «провоцировал крайности в оценках, нетерпимость и физическое насилие» [32: 452]. Несмотря на явный импрессионизм подобных наблюдений, несомненно Магоши прав в том, что необходимы эмпирические исследования по влиянию особенностей национальной кухни на менталитет местного населения.

Исследования формирования и трансформации коллективных идентичностей сельского населения на фоне зарождения и развития национальных идей и национализма проводятся американским историком Робертом Немесом (Robert Nemes), изучавшим графство Бихар (Австро-Венгерская империя) и предложившим концепцию культурно-символического разграничения для изучения локальной культуры приграничного населения [32: 210], и европейским исследователем Питером Джадсоном (Pieter M. Judson) (Галиция, Буковина) [32: 123].

Работа А. Заярнюка посвящена изучению процесса формирования коллективной идентичности крестьянства имперского приграничного региона — Габсбургской Галиции, иначе говоря — эволюции концепции «украинского крестьянства».

Его попытка «постструктуральной истории» [33: XXV], созданной, чтобы исследовать, как проходило конструирование коллективной идентичности, базируется на методологическом аппарате М. Фуко и сконцентрирована на процессе концептуализации («framing»). В ходе этого процесса создавалась концепция («framework») создания современных форм власти (дискурсивных и институциональных техник индивидуализации, управления и контроля). В случае галицийского крестьянства эта концепция порождалась конкретными социальными практиками, связанными с определёнными образами крестьянства [33: X].

Заярнюк использует и другую методологию, приобретающую в последнее время особую популярность. Это методология проекта постколониальных исследований (Subaltern Studies Project). Данная методология основана на интересе к власти в трактовке фукоидианства, системам доминирования, их особенностям и к бедному сельскому населению. Автор указывает ещё одно сходство в объекте самого исследования. Если термин «подчинённый» («subaltern») подразумевает собой радикальное отличие от доминантного, то процесс концептуализации в контексте данной работы — ассимиляцию и включение «подчинённого» сообщества в рамки, в которых оперируют инклюзивные модальности власти и оно становится членом буржуазного государства, принимающим и интернализирующим новые пра-

вила [33: XXV]. Автор пытается реанимировать и забытое из-за чрезмерного внимания к национализму понятие класса как аналитической категории, освободив его от налёта марксистской историографии и наполнив новым смыслом [33: 337].

Как и в любой другой работе, написанной в духе постструктурализма с его акцентом на языке как доминантной структуре в жизни общества и проблематикой мета-нarrативов, на авансцену истории выходят тексты. Они не просто отражают личности их авторов, но участвуют в проектах создания национальных или классовых идентичностей [33: XIX]. К сожалению, при этом очень мало заимствуется автором из уже существующей методологии «традиционного крестьянского общества», из-за узости источников базы слабо выявляются собственно крестьянские голоса.

Используя методологию и критику проекта *Subaltern studies*, Заярнюк изучает их как один из симптомов вовлечённости крестьянского сообщества в национальные проекты. Он рассматривает слухи в контексте процесса «writingdifference» как путь для крестьянства конструирования своей идентичности [33: 33].

История коллективной идентичности непосредственно населения Карелии вписана в дискурс, представленный исследованиями, посвящёнными проблеме финской идентичности. В большинстве своём они либо противопоставляют её как форпост западной цивилизации в противовес восточной, либо рассматривают российских карелов как объект западной цивилизаторской миссии освобождения от российского (позже советского) диктата, либо как «внутреннего локального Другого (Other)» [27: 292; 294; 297]. Для того чтобы примирить ностальгию по Карелии как культурной родине и историческую реальность, в определённой части финляндской историографии произошло отделение символически-мифического сюжета от истории региона [27: 299].

Наконец, в проекте рассматривалась и методология «серых зон» [28]. Эта концепция, заимствованная у итальянского писателя Примо Леви (Primo Levi), претерпела существенную модификацию по сравнению с первоначальным вариантом и приобретает в последнее время растущую популярность как для изучения социума европейских окраин, так и для собственно российской истории.

Основным недостатком англоязычных исследований, рассмотренных в данной статье, является то, что они основаны на источниках, не отражающих либо крайне слабо отражающих динамику взаимоотношений между подавляющей массой населения приграничья (которое, преимущественно, представляло собой сельское население) и власть предержащих. Относительно истории XVII—XVIII вв. это связано с ограничениями источников базы. В большинстве же работ, посвящённых истории XIX в., часто в центре внимания находятся исключительно региональные или локальные элиты, их взаимоотношения и конструирование «элитарной» идентичности [32], а при изучении сюжетов непосредственно сельского крестьянского населения наблюдается недостаток либо полное отсутствие источников и отсутствие этнической карты населения и статистических демографических данных. Кроме того, использование постструктуралистской методологии на фоне дефицита источников влечёт за собой некоторый перекос в их интерпретации. Тексты и дискурсы, методологически перевешивая социальную историю, порой создают некоторый общий дисбаланс, однобокость в освещении определённых проблем.

Традиционное общество в истории Карелии как Северо-Западного приграничья России

Историками, работавшими в рамках проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полигэтничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века», были поставлены следующие цели.

Во-первых, определить специфические социокультурные черты социума приграничной территории, её «традиционного общества» и отследить процесс его постепенного демонтирования, понять, когда оно дезинтегрировалось как система стабильных логических связей и взаимоотношений. Во-вторых, исследовать важные и малоизученные сюжеты военно-мобилизационной, экономической и культурной политики имперского центра в отношении Карелии как полигэтничного приграничья в XVII—XIX вв. В-третьих, определить особенности и характерные черты государственной колонизации Карелии как Северо-Западного приграничья Российской империи. И наконец, на основании изучения нескольких сюжетов исследовать динамику и особенности взаимодействия между представителями государственной власти и местным населением, его реакцию на мобилизационные, экономические меры в ходе государственной колонизации региона и растущее вмешательство государства в социально-культурную жизнь.

Применение в проекте модели традиционного общества в русле современных англо-американских методологических подходов дало возможность более широкого охвата различных социальных категорий и явлений, чем при применении более узкой социальной концепции непосредственно крестьянства. В частности, с помощью подходов новой локальной истории и микроистории было проведено детальное изучение особой роли церковного прихода в XVII в., игравшего особую роль в северо-западном регионе, и изменения в ней, произошедшие в течение времени. Кроме того, это дало возможность лучше учесть нюансы этнической картины и религиозной мультикультурности региона.

В проекте рассматривалась Карелия в рамках менявшегося административного подчинения (уезд — провинция — область — наместничество — уезды — губерния) с центром до 1782 г. в Олонце, затем в Петрозаводске [24]. Необходимо учесть, что поскольку большая часть территории современной Карелии входила до 1920 г. в состав Олонецкой губернии, уже с середины XIX в. в этнографическом отношении население губернии четко делилось на русское и финско-карельское [18]. Однако основная масса населения Олонецкой губернии и на конец XVIII в., и на конец XIX в. была русской по своему составу¹. В то же время территории расселения собственно карелов на Северо-Западе России относились к двум губерниям — Олонецкой и Архангельской.

Как и в других исследованных современными историками приграничных имперских регионах, религиозная мультикультурность наложила огромный отпечаток на историю региона. Помимо традиционного православия и старообрядчества различных типов, во времена шведского владычества в Приладожской Карелии были образованы лютеранские приходы, сохранявшиеся в течение долгого времени. На территории Олонецкого наместничества (затем — губернии) в конце XVIII — первой четверти XIX в. необычайного влияния достигло старообрядчество. И несмотря на начатые на него с 1830-х гг. гонения, вплоть до конца XIX в. традиционная культура карелов испытывала огромное влияние старообрядчества.

¹ В конце XVIII в. [по данным V ревизии (1795 г.)] в Олонецкой губернии удельный вес карелов составил приблизительно 18 % [13: 231]. Согласно переписи 1897 г., вес собственно карельского населения в Олонецкой губернии был аналогично небольшим [19: 103].

В основе проекта лежал постулат, что Карелия вписывается в понятие «транзитного приграничного региона», где приграничный этнос выражает сходные черты и духовное родство с национальной группой по ту сторону границы, и, таким образом, приграничная идентичность может быть крайне затруднена [32: 7]. С точки зрения современных авторов, из-за своей географической маргинальности подобные регионы являются местами, где создаются противоречивые национальные мифы, нарративы и идентичности, провоцирующие масштабные этнические конфликты [32: 8].

В ходе исследования было выявлено, что характерная черта традиционного крестьянского сообщества в Карелии — уникальная межконфессиональная и межэтническая терпимость. На протяжении веков проявления конфликтов непосредственно на этно-социальной основе были незначительными, а сосуществование различных этносов мирным. До конца XIX в. никакого «карельского вопроса» в Российской империи не существовало, а российские карелы считались одним из самых беспроблемных её народов. Вопрос о формировании собственно сознательной карельской идентичности на фоне соперничающих национальных проектов (финляндского и российского) можно адресовать по отношению к периоду не ранее конца XIX в. [6: 116].

Помимо этого, традиционное общество в Карелии, понимаемое, в первую очередь, как крестьянство однородных и смешанных этнических категорий, очень долго сохраняло свою уникальную идентичность. В многочисленных исследованиях этнографов и историков подчёркивается, что карельская культура никогда не теряла своих самобытных корней [20].

Помимо вышеупомянутой тенденции изучения деструктивных процессов в Европейском приграничье, ряд исследователей мультикультурных регионов евразийского приграничья пришли к похожим выводам о длительной этнической, социальной и политической стабильности приграничья.

В частности, Джадсон, рассматривая традиционное сельское общество приграничья Австрийской империи в XIX в., демонстрирует, насколько далеко оно было от проблем национализма и национальной идентичности [32: 123]. К огорчению национальных элит его представители мирно сосуществовали в рамках нескольких языков и религий. Приграничные конфликты не были связаны с этническими проблемами. Джадсон утверждает, что оппортунизм и безразличие местного традиционного общества к национальным идеям толкали националистов к ещё более радикальным позициям [32: 132]. В восточных частях имперской Австрии (Галиция, Буковина) религиозные различия, скорее, приводили к уникальности местной культуры, при этом общий культурный фон перевешивал языковые и религиозные отличия, когда дело заходило об общей лояльности и самоидентификации [32: 133]. Она была преимущественно локальной.

Аналогично, исследователь Польши Патриция Дабровски демонстрирует, что сельское население Карпат XIX в., уникального культурного, полигэтничного и мультилингвистического приграничья, всё ещё обладало домодерновой локальной, даже племенной идентичностью. Зачастую сочетание различных культур приводило не к их столкновениям, а к «реконфигурации идентичности», порождая «смешанные идентичности» [32: 194]. К похожим выводам приходит и Р. Немес на примере изучения ситуации на Венгерско-Румынской границе в XIX в. [32: 217], а также исследователи традиционного общества Латвии. Парадоксально, что усилия местных националистов не проходили незамеченными, но не для своего населения, а для противоборствующих националистов, разжигая национальную рознь.

Таким же образом историю Карпатской Руси с 1848 г. П. Магоши концептуализирует как борьбу национальной интеллигенции с натуральной тенденцией населения выбирать более

чем одну или ни одной национальной идентичности [32: 453—457]. По мнению автора, уникальность этой территории состоит в том, что она единственная в Центральной и Восточной Европе, где ни разу не было ни одного еврейского погрома или иного проявления насилия против религиозных или этнических групп (за исключением нацистского насилия над еврейским населением во время Второй мировой войны).

Будучи религиозным, этнолингвистическим и климатически-культурным приграничьем, региону пришлось пережить инспирированные государством вспышки насилия. Тем не менее, как утверждает автор, он был удивительно свободным от этнического, религиозного и социального насилия.

Большинство исследователей объясняют это явление как следствие массовой бедности большей части приграничного населения [32: 216, 475]. В частности, Магоши утверждает, что из-за скудной почвы в исследуемом им регионе была очень слабо выраженная этнически очерченная социально-экономическая дифференциация, а кроме того, этнические группы испытывали больше негативных чувств по отношению к государству, нежели друг к другу. В отличие от остальной Европы, где этнические группы дифференцировались по роли занятий и благосостоянию, здесь всё население занималось сельскохозяйственными либо лесными работами [32: 458]. К похожим выводам приходит и Р. Немес [32: 217].

Задачи проекта были выполнены в русле достижений современной международной историографии. Представляется, что исследователями были преодолены некоторые ограничения современных западных подходов. В частности, при определении коллективной идентичности населения приграничной территории относительно имперского центра в исторической динамике особенно важно дискурсивное понятие социального статуса. Различные социальные группы одного и того же этноса, проживавшие на одной и той же территории, совершили по-разному относились к проблеме собственной национальной идентичности. Фокус исследования в проекте был сосредоточен на массовых архивных источниках, отражающих различные аспекты жизни и деятельности именно локального крестьянского сообщества.

На основании архивного исследования истории карельской локальной сельской общины руководитель проекта «Традиционное общество как фактор стабильности в полигетничном приграничном регионе: Карелия в XVII — начале XX века» Ирина Чернякова провела социально-культурное и социально-психологическое исследование приграничного социума в исторической и сравнительной перспективе, созвучно темам, изученным Р. Магоши в его исследовании Карпатской Руси. Она внесла лепту в объяснение относительной долгограющей стабильности в регионе, несмотря на то, что он на протяжении веков являлся плацдармом для военных действий между Россией и Швецией.

Важнейший фактор, оказавший влияние на менталитет крестьянства региона, — факт, что оно было свободным, т. к. не было крепостного права. На протяжении веков российские карелы почти поголовно были государственными крестьянами с общинным владением землей. Поэтому можно говорить о так называемом «оттенке северности», определённом духе свободы и независимости, отсутствовавшем в центральных районах страны [26].

Влияние же старообрядческих общин многократно усиливало эту черту общественного характера. В отличие от старообрядчества Сибири, находившегося в состоянии практически полного отшельничества и лишённого культурных и экономических связей с коренным населением региона, старообрядцы в Карелии были неотъемлемой частью местной экономической, культурной и социальной жизни, формируя нередко элиты локальных сообществ.

Одним из самых важных вопросов, стоявших перед исследователями коллективного проекта, было выявить причины общей толерантности традиционного общества в Карелии и присущей ему внутренней стабильности. Выяснилось, что ответ на этот вопрос лежит в плоскости экологической истории, в частности, во влиянии психоэмоциональных особенностей населения, связанных с климатическими особенностями региона, на конструирование коллективной идентичности основной социальной группы.

На протяжении веков основной целью имперского центра в отношении Карелии была защита границы и обеспечение, а также усиление лояльности населения. Именно поэтому представленные в коллективном проекте сюжеты могут быть интегрированы в рамках общей концепции «стратегической колонизации». Конечной целью имперской колонизации ради защиты границы была гомогенизация приграничного имперского этнополитического пространства. Именно поэтому, несмотря на то, что в Российской империи в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность, веками постепенно происходило замещение карелов русскими.

Хотя первые вмешательства государства в жизнь традиционного общества произошли задолго до этого. Из геополитических соображений уже во второй половине XVII в. в ходе военно-административных реформ произошло утверждение власти воеводы во вновь образованном Олонецком уезде, направленное на ограничение традиций местного самоуправления.

В ходе проекта исследователями были выявлены варианты реакции местного населения на военно-мобилизационные и регулирующие меры государственного вмешательства в жизнь общины. Евгения Суслова установила, что в ходе внедрения института пашенных солдат, опираясь на авторитет своих приходских священников, которых они сами избирали и обеспечивали пропитанием, крестьяне выбирали достаточно цивилизованные способы защиты своих интересов [22: 118]. В большинстве случаев крестьянский протест носил скрытый, ненасильственный характер, вписываясь в теорию сопротивления колонизируемых народов, выдвинутую американским историком Джеймсом Скоттом [31]. Открытым конфликтом население предпочитало бегство и молчаливый саботаж, или тактику «повседневного диссиdenства». Однако нередки были и вспышки агрессии [3]. Случаи сопротивления, зафиксированные на основе анализа архивного материала, показали, что крестьянская община была готова на любые жертвы и меры, чтобы защитить свои интересы [3, 4; 12].

С опорой на значительный массив архивных документов Дарья Брусицына на примере изучения военной реформы внедрения института пашенных солдат в 1649 г. в Заонежских и Лопских погостах выявила, как в условиях внедрения строгой регламентации их жизни государством в период солдатской службы местные жители действовали, чтобы выживать и защищать собственные интересы [2]. На основании анализа переписки олонецких воевод с центром в годы русско-шведской войны 1656—1658 гг. она выявила реакцию населения и местное сопротивление [2, 3, 4].

Виктория Ефимова показала, как в XVIII—XIX вв. традиционные общества Олонецкой губернии активно отстаивали свои интересы перед лицом растущего разнообразия государственных повинностей. Она изучила разнообразные примеры откровенного игнорирования крестьянами законодательства, в частности, запретов крестьянам собирать непозволенные сборы на взятки чиновникам, а также массированное наступление на старообрядчество, сопровождавшееся разрушением традиционного экономического и социального уклада местного населения [10: 102—110; 12].

Рассматриваемая как созидающая сила региональной истории власть государства была полиморфной. В современных исследованиях подчёркивается, что индивидуальные и коллек-

тивные идентичности традиционного общества всё время изменялись в ходе постоянно открываемых властью новых возможностей [33: 33]. На примере исследований, выполненных в рамках проекта, стало очевидно, как она создавала множество новых ниш и контактов, ломая традиционную социальную иерархию приграничных регионов и формируя новые элиты. Созвучно подходу Г. Коэна [32: 106], предложившего изучать взаимоотношения индивид — государство как повседневную реальность в жизни людей, обязанности, лояльности и идентичности рассматривались исследователями как ежедневные практики. Это позволило на микроуровне изучить процесс, в ходе которого, со всё увеличивающимся вмешательством государства в жизнь людей и их участием в жизни государства с введением новых прав и обязанностей, домодерновые социальные иерархические структуры и корпоративные привилегии постепенно видоизменялись и заменялись новыми применительно к карельской крестьянской общине. В частности, Е. Суслова раскрыла, какие новые возможности для конструирования и модификации своей групповой идентичности получали представители крестьянства в ходе трансформации властных структур [21]; [23].

Д. Брусницына и Е. Суслова выявили изменения, произошедшие в результате ломки традиционной властной иерархии в ходе первых военно-мобилизационных экспериментов центральной власти. В частности, значительно возросла роль священника, главы православного карельского прихода, который служил арбитром в разнообразных бытовых и служебных конфликтах, возникавших между прихожанами, записанными на службу в пашенные солдаты, и «начальными людьми» [22: 109]. Исследователями изучена и динамика раскола внутри общины [22: 109]. Как отмечает Д. Брусницына, само по себе подчинение иноверцам считалось в среде русских крестьян недостойным и унизительным [2: 63].

Как продемонстрировали И. Чернякова и В. Ефимова на примере изучения административной политики запретов в сфере лесопользования в XVIII—XIX в. (основная цель — постепенная ликвидация подсечного земледелия, а также отдельных местных промыслов, например, смолокурения), она была зачастую противоречивой, постепенной, учитывавшей сопротивление местного населения, в первую очередь проявлявшееся в том, что крестьяне игнорировали запрещения, зафиксированные павловскими указами. В итоге право вести подсечное земледелие им было всё-таки предоставлено в ограниченных пределах [25]; [12].

Масштабная «государственная колонизация» края усилилась в период Олонецкого наместничества (1784—1796): создание губернских учреждений хозяйственно-экономического блока, а именно казённой палаты, казначейства, приказа общественного призрения. Инкорпорированные в административную структуру традиционные институты самоуправления фактически сохраняли лишь форму, в действительности выполняя совершенно иные функции. Основной из них стало обеспечение и контроль за исполнением населением новых, всё увеличивавшихся обязанностей в пользу государства.

Постепенно расширяясь, имперское пространство трансформировало традиционное общество, разрывая локализм и замкнутость, заменяя горизонтальные связи на вертикальные. При этом хотя государство и использовало насильственные методы интеграции, оно сопровождало их символическими, ментальными практиками, зачастую генерировавшими новые элиты и позволявшими привыкать к власти, и самому обществу к новым отношениям. Это отчётливо проявилось в проанализированных исследователями данного проекта попытках иностранных офицеров, прибывших на службу в Карелию, в ходе внедрения института пашенных солдат приспособиться, приблизиться к местной жизни посредством смены религии и установления доверительных, неформальных отношений с местными священниками [1]; [22].

Кроме того, размывание общинных устоев, веками складывавшихся практик проходило и опосредованно, без прямого вмешательства государства, но на фоне связанных с его колонизационной политикой перемен. И. Чернякова, проведя исследования по различию традиций семейных отношений у русских и карелов, отмечает, что к середине XIX в. произошли заметные изменения в сфере брачного поведения не только мужской, но и в не меньшей степени женской части населения даже отдалённых карельских погостов, а также значительное снижение в них доли мужчин молодого возраста, связанное, скорее всего, с чрезвычайно активной вовлечённостью местного крестьянства в промыслы, торговлю и зароботки на стороне [26: 53].

В рамках подхода «Символических географий», самым известным историком и основоположником которого является Ларри Вульф (Larry Wolf) [32: 23—42; 7], работает В. Ефимова. В рамках проекта на основе анализа уникальных архивных материалов ей удалось проследить механизмы создания «символической географии» Карелии в рамках Российской империи XIX в. и раскрыть её специфику, причины и механизмы её создания [11]. Н. Кузнецова в духе новой интеллектуальной истории реконструирует образ карельского старообрядчества, созданный политическими ссыльными — «правыми» народниками [16]. Анна Кликачева реконструирует процесс создания сети таможенных застав в конце XVIII в. и их влияние на жизнь местного населения [15].

В целом исследование, проведённое в рамках данного коллективного проекта, доказывает актуальность модели «традиционного общества». В то же время оно демонстрирует некоторые её недостатки. Во-первых, это статичность и сопротивление инновациям. Ещё Г. Мэн наследуемую психологическую сопротивляемость переменам и инновациям считал фундаментальным фактом человеческой природы, как первобытной, так и современной [17: 71].

Тем не менее традиционное общество Карелии не было столь пассивно-замкнутым, как предполагает данная модель. Помимо многочисленных примеров активного сопротивления государственному вмешательству в местную жизнь и саботажа его инициатив, ему было присуще и прогрессивное, модернизирующее начало. В различные периоды времени крестьяне были готовы вести достойный диалог с властью на её условиях. В XVII в. они делали это в виде подачи многочисленных челобитных, в XIX в. для продвижения проектов улучшения фискальных, административных практик и взаимодействия между локальной крестьянской общиной и региональной властью представители сельских общин предлагали свои проекты местной администрации¹.

Перспективы исследований

Проблемы государственной колонизации, изученные в проекте, чрезвычайно актуальны в рамках более широкого осмыслиения сущности Российской империи. В настоящее время историки, как никогда, задаются этим вопросом, пытаясь, исходя из особенностей российской колонизации, подобрать методологические схемы. Один из примеров — подход «гибридной субъективности» колониальной (subaltern) империи, предложенный Вячеславом Морозовым, сочетающим методологию постколониальных исследований и мир-системный анализ американского социолога Иммануэля Валлерстайна (Immanuel Wallerstein) [29].

Перед социальными историками приграничья стоит множество проблем. Действительно ли в результате потрясений революции, гражданской войны, коллективизации и репрессий 1937 г. произошёл демонтаж традиционного общества? Очевидно, что в любом обществе традиции сочетаются с современностью. Можно ли говорить о наличии признаков «тради-

¹ Сведения получены от финского историка Киммо Катаяла (Kimmo Juhani Katajala).

ционности» в менталитете фермерства в современном российском постиндустриальном обществе? В то же время можно ли написать целостную социальную историю Карелии вне рамок национальных дискурсивных модальностей?

Достижения проекта позволяют по-новому взглянуть на актуальные сегодня концепции и методологические схемы, в частности, популярную концепцию неудавшейся в России «дисциплинарной революции» [14]. Учитывая осторожность государства в политике искоренения старообрядчества в Карелии, тесный симбиоз традиционных и религиозных управленческих структур локальной крестьянской общины XVII—XVIII в., можем ли мы однозначно утверждать, что она безоговорочно потерпела поражение?

Очевидно, что необходимы глубинные исследования культурных и социальных практик в духе теории, разработанной ещё в начале XX в. американским исследователем Гербертом Болтоном (Herbert Bolton) для выявления собственно карельской идентичности как смешения финского и русского менталитета и традиций.

Методология «серых зон» применительно к данной сфере исследования способна выявить географические локусы специфических взаимодействий между местным населением и представителями власти, возникающих в ходе колонизации, а также объяснить, какие неформальные/нелегальные экономические, культурные практики она порождала, как они функционировали, как проходило сотрудничество местных представителей власти и крестьянского населения. Она позволит и определить, как прорехи в имперском законодательстве использовались местным сельским населением для достижения своих целей — сохранения образа жизни и веками сложившихся практик традиционного общества. Перспективным представляется и направление исследований «политической экологии» региона и её влияние на социальную организацию, социо-психологические черты проживающих в нём этносов на фоне традиционного имперского подхода с акцентом на модернизирующую силе государства.

Библиографический список

1. *Брусницына, Д. В. «Начальные люди» олонецких полков пашенных солдат (1649—1666) / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс] // CARELICA : научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 170—185. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2013/Brusnitsyna_A.pdf.*
2. *Брусницына, Д. В. Олонецкие пашенные солдаты: к вопросу о формировании полков в 1649 г / Д. В. Брусницына. — [Электронный ресурс] // CARELICA : научный электронный журнал. — 2014. — № 2 (12). — С. 54—63. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2014/Brusnitsyna_3.pdf.*
3. *Брусницына, Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649—1666) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Брусницына Д. В. — [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург, 2014. — 30 с. — URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2015/01/Brusnitsyna_Avtoreferat_for_site.pdf.*
4. *Брусницына, Д. В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649—1666) / Д. В. Брусницына // CARELiCA [Электронный ресурс] : научный электронный журнал / Петрозаводский гос. ун-т. — Электрон. журн. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2013. — № 1 (10). — С. 10—18. — URL: [http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_\(16491666\).html](http://carelica.petrsu.ru/CARELiCA/_Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html).*
5. *Буранчин, А. М. Современная Россия как традиционное общество: мифы и реальность / А. М. Буранчин [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/378094>.*
6. *Витухновская, М. А. Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики / М. А. Витухновская // AbImperio. — 2003. — № 1. — С. 113—148.*

7. *Вульф, Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — 560 с.
8. *Ермолаева, О. Е.* [Рецензия] / О. Е. Ермолаева // *AbImperio*. — 3/2015. — С. 317—330. — Рец. на кн.: *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands*. Ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. Indiana University Press, 2013.
9. *Ефимова, В. В.* Генерал-губернатор С. И Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825—1830) / В. В. Ефимова // Гуманитарный вектор. — (Сер.: История, политология). — Забайкальский гос. ун-т. (отправлено в журнал в декабре 2015 г.).
10. *Ефимова, В. В.* Генерал-губернатор С. И. Клокачев и старообрядцы Олонецкой губернии / В. В. Ефимова // Православие в Карелии : материалы IV науч. конф. 25—26 ноября 2015 г. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2016. — С. 102—110.
11. *Ефимова, В. В.* Географический парадокс или кто, как и почему формировал в конце XVIII — первой половине XIX в. образ Олонецкой губернии как отдалённой / В. В. Ефимова // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества») : материалы V междунар. конф. по исторической географии : в 2 ч. — Ч. 2. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 33—37.
12. *Ефимова, В. В.* Об отношениях крестьян с органами государственной власти: закон, обычай, практика (на примере Каргопольского и Пудожского уездов в 1820-х годах) / В. В. Ефимова // Кенозерские чтения — 2015. «Заповедное Кенозерье: природа, культура, человек» : сб. материалов VII Всерос. научно-практич. конф. — Архангельск, 2016. — С. 72—82.
13. *Кабузан, В. М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. — [Электронный ресурс] / В. М. Кабузан. — Москва : Наука, 1992. — URL: [http://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--CHislenost-i-etnicheskiy-sostav/](http://statehistory.ru/books/V--M--Kabuzan-_Narody-Rossii-v-pervoy-polovine-XIX-v--CHislennost-i-etnicheskiy-sostav/).
14. *Живов, В.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия / В. Живов. — 2009. — URL: <http://www.fedy-diary.ru/?p=3729>.
15. *Кликачева, А. А.* Вильгельм Тизенгаузен и его описание Олонецкой губернии конца XVIII века как источник по экономической истории Карелии / А. А. Кликачева. — [Электронный ресурс] // Рябининские чтения — 2015 : материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 7—11 сент. 2015). — Петрозаводск, 2015. — С. 56—58. — URL: <http://kizhi.karelia.ru/media/library/files/1511/ryabinin2015-full-text.pdf>.
16. *Кузнецова, Н. Ю.* Старообрядчество в творчестве правых народников С. А. Приклонского и А. С. Пругавина : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Кузнецова Н. Ю. ; Петрозаводский гос. университет. — Петрозаводск, 2016.
17. *Мантена, К.* Изобретение традиционного общества: империя и истоки социальной теории / К. Мантена // *AbImperio*. — 2012. — № 4. — С. 25—77.
18. *Пашков, А. М.* Карельские просветители и краеведы XIX — начала XX века / А. М. Пашков. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2010. — 448 с.
19. *Покровская, И. П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. / И. П. Покровская // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1974. — С. 91—118.
20. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев. — Москва : Наука, 2003. — 670 с.
21. *Суслова, Е. Д.* «Волостной нобилитет» Заонежских погостов во второй половине XVII в.: к вопросу о родственных связях и социальном происхождении / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс] // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48) — URL: [http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351_Suslova_HD_2015_12\(48\).pdf](http://www.nauka-dialog.ru/userFiles/file/339-351_Suslova_HD_2015_12(48).pdf).
22. *Суслова, Е. Д.* Приходской священник и «начальные люди» в Карелии в середине XVII в.: особенности взаимоотношений (по материалам «Олонецкой воеводской избы») / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс] // CARELICA : научный электронный журнал. — 2015. — № 2 (14). — С. 109—121. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2015/Suslova_2_15.pdf.

23. Суслова, Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий / Е. Д. Суслова. — [Электронный ресурс]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — URL: http://carelica.petrsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html. — 161 с.
24. Чернякова, И. А. Анnotated report on the annual stage of the research and educational work of the project № 33.1162.2014/K in the framework of the state assignment in the field of scientific activity for 2015 year. Petrozavodsk State University / I. A. Chernyakova. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.dropbox.com/home/Gos_Zadanie/OUTPUTS_2015?preview=Annotir_Otchet.pdf.
25. Чернякова, И. А. Карельские волости и их обитатели как объект добрых намерений имперского правительства в XIX веке / И. А. Чернякова. — [Электронный ресурс] // CARELICA : научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 70—81. — URL: http://carelica.petrsu.ru/2013/Chernyakova_2.pdf.
26. Чернякова, И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории / И. А. Чернякова // Панозеро: сердце Беломорской Карелии / Juminkeko-säätiö, Петрозавод. гос. ун-т [редкол.: А. П. Конкка, М. Ниеминен, В. П. Орфинский (отв. ред.), И. Е. Гришина (отв. секретарь)]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2003. — С. 20—82. — URL: http://illmik.petrsu.ru/Alkonost/pdf_s/Pan19-82/Pan74-82r.pdf.
27. Antonsich, M. Cardinal Markers of Finland's Identity Politics and National Identity / M. Antonsich // Eurasian Geography and Economics. — 2005. — 46: — № 4.
28. Knudsen, I., ed. Ethnographies of Grey Zones in Eastern Europe. / I. Knudsen, ed. — Anthem Press, 2014. — 212 p.
29. Morozov, V. Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World / V. Morozov. — Hounds Mills and New York : Palgrave Macmillan, 2015. — 218 p.
30. Rieber, A. J. The Struggle for the European Borderlands from the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War / A. J. Rieber. — Cambridge : Cambridge University Press, 2014. — 617 p.
31. Scott, J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance / J. Scott. — Yale University Press, 1985.
32. Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman Borderlands / ed. By Omer Bartov and Eric D. Weitz. — Indiana University Press, 2013. — 528 p.
33. Zayarnyuk, A. Framing the Ukrainian Peasantry in Habsburg Galicia, 1846—1914 / A. Zayarnyuk. — Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2013. — 448 p.

Oxana Ermolaeva

Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Senior lecturer of the Chair of Russian History;
Senior researcher of the Office of Scientific Research (SBP 653-14),
PhD in history of the East and Central Europe

Historical dynamics of the multiethnic borderland traditional society: research methodology and problematics (the case study of Karelia)

Abstract: The current article reviews origins, uses, and the critique of a “traditional society” concept. This concept was applied in the collective research project “Traditional society as a factor of stability in multi-ethnic border region: the case of Karelia during the period from the 17th century to the beginning of the 20th century”. The project was based on several case-studies and focused on the patterns of interaction between local rural communities of the borderland region

of the Russian empire and the colonizing imperial authorities. Upon discussing recent methodological trends and theories in recent Anglophone works on European imperial borderlands during the 18th and 19th centuries, the article compares the results of the current research project with the similar studies and outlines future perspectives for such studies.

Key words: “traditional society” concept; collective project, methodology study; imperial borderlands, state colonization; Karelia